

ВЛАДИМИР КОЛЬЧЕВ

**ДИАГНОЗ
С ПУЛЕЙ В СЕРДЦЕ**

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К60

Колычев, Владимир Григорьевич.

К60 **Диагноз с пулей в сердце / Владимир Колычев. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с. — (Колычев. Лучшая криминальная драма).**

ISBN 978-5-04-235227-0

Майор юстиции Корней Давыдов — человек резкий и неуравновешенный. При этом он один из лучших сыщиков Управления, на счету которого десятки раскрытых преступлений. Во время последнего крупного дела от рук маньяка погибла девушка-стажер. Тогда Давыдов не успел ее спасти, после чего его душевная болезнь заметно усилилась. Коллеги по-разному относятся к чудаку-майору: кто-то сочувствует, а кто-то открыто ненавидит... Ту злосчастную ночь Корней провел с известной проституткой. Наутро рядом с его домом обнаружили застреленным заместителя начальника местного отделения полиции. А в квартире Давыдова каким-то образом оказалась пустая гильза от пистолета убийцы...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-235227-0

© Колычев В.Г., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

Глава 1

За окном проехала машина, двигатель дизельный, пока не прогреет, работает шумно. И колеса еще шипованные, хотя уже весна, слышно, скребут по асфальту. По коридору кто-то прошел — торопливо, от одного кабинета к другому. Каблочки не стучат, но походка женская. Одну дверь закрыли тихо, другой — хлопнули. Все правильно, пропесочил начальник, все равно из его кабинета нужно выходить без шума, а в своем можно и гроыхнуть. Чтобы чужие боялись. Майор юстиции Давыдов, например. Он в районном отделе человек пока чужой.

Машина проехала, человек прошел, стало тихо-тихо, аж в ушах зазвенело. Или это муха жужжит? Точно, нарастающий звон, над ухом что-то прожужжало, промелькнуло перед глазами. И снова стало тихо. Пугающе тихо. Сидящий за столом человек зажмурился, пытаясь успокоить круги, как по воде, расходящиеся перед глазами. И создающие эхо, проникающие

на глубину до самого дна. Может, и не было никакой мухи. Двор пятиэтажного дома за окном, машин много, кто-то из жильцов взял одну, куда-то поехал. Следователь Танечка взбучку от начальника получила, испытывая гнев, простучала каблуками по коридору. В этих двух случаях реальность происходящего сомнений практически не вызвала. А муха... Весна уже заявила права на престол, но зима не торопится отдать ей свой трон. Мухи в кабинетах сонные, рано им еще летать, со свистом проноситься над ухом. Если муха померещилась, то нужно выдохнуть, расслабиться, тогда напряжение в голове спадет само по себе. Вместе с тем снизится градус умственной активности, но работа у майора Давыдова несложная. Рабочий на стройке травму получил, нарушены правила техники безопасности, возбуждено уголовное дело, вот-вот подойдет свидетель, который очень даже запросто может перейти в разряд подозреваемого.

Давыдов одиннадцать лет отдал службе, работал в городском и в областном следственном управлении, неочевидные убийства, похищения, а сейчас вот нерадивых начальников на чистую воду выводит. На днях факт незаконного нарушения неприкосновенности жилища вскрыл, дело возбудил, начальство может не сомневаться, расследование будет проведено

без нарушений требований закона. Начальство не должно сомневаться в майоре Давыдове. Служба — это самое ценное, что есть в его жизни, увольнения он не переживет. А все к этому шло; хорошо, Корней смог взять себя в руки, вывести сознание из сумеречной зоны. Врачи в его случае бессильны, помочь ему может только полный самоконтроль над сознанием. И не нужно метаться по кабинету в поисках мухи, ловить ее, доказывать подлинность факта, не нужно гонять мысли по замкнутому кругу, усиливая разрушительную вибрацию. Выдохнуть и вернуться к работе.

Дверь без стука открылась, в кабинет вошел начальник следственного отдела. Майор юстиции Абдулов, ему бы шапку монгольскую, ну вылитый Чингисхан. В глазах блеск скрецающихся мечей, Корней даже услышал скрежет металла.

— Сидишь? — пошевелив усами, спросил Абдулов.

— Допрос у меня на одиннадцать.

Давыдов глянул на часы, висевшие над дверью. Без трех минут одиннадцать. И на столе часы показывают точно такое же время, и на руке, и на компьютере. Сверка часов — первое, с чего начиналось утро. Это правило для себя он установил уже давно. Правильно в песне поется, «не думай о секундах свысока».

Именно секунд не хватило, чтобы спасти Милу Евдокимову. Окончила Академию МВД, мечтала стать великой сыщицей, а погибла на самом взлете карьеры. В городе орудовал маньяк, законченный садист-психопат, Давыдов уже вышел на него, когда Мила решила вызвать огонь на себя. Кандидат в мастера спорта по самбо, черный пояс по тхэквондо, Мила не сомневалась, что сможет дать отпор ублюдку, сама, по собственной инициативе отправилась ночью в парк. Но справиться с Караваевым, увы, не смогла. Давыдов опоздал всего на несколько секунд. Караваев душил ее, даже в темноте Давыдов успел заметить, как девушка сучила ногами, пытаясь вырваться. Он выстрелил, садист оторвался от жертвы, кинулся на него. Давыдов прострелил ему коленку, бросился к Миле, но, увы, девушка уже не дышала. Искусственное дыхание к жизни ее не вернуло.

— Нарушение правил техники безопасности? — усмехнулся начальник. — Самому не смешно?

Корней Давыдов помнил Мурата Абдулова молодым лейтенантом, практически вместе начинали службу. Корней почти сразу перешел в городское управление, затем в областное, а Мурат звезд с неба не хватал, так и оставался в районном отделе. Майор Давыдов сейчас

простой следователь, а майор Абдулов — начальник отдела.

— Есть предложение посерьезней? — осторожно спросил Давыдов.

Сколько помнил себя Корней, он всегда работал над собой, тренировал волю и выдержку, сам себе завидовал, насколько умел владеть собой. И тогда, пытаясь воскресить Милу, выдержки он не терял. Констатировал смерть, с невозмутимым видом вызвал скорую для убийцы, а потом вдруг прорвало. Допрашивал Караваева в больнице, там его и накрыло. Сначала увидел смеющуюся Милу, затем перед глазами встала ее рыдающая от горя мать, а Караваев смотрел на него и ухмылялся. Давыдов привык к таким подлым ухмылкам, даже забыл, когда воспринимал их всерьез, но в тот день не сдержался. Набросился на ублюдка с кулаками, жестоко избил. Пострадал сотрудник, который охранял арестанта. Досталось даже медперсоналу... И это был не просто нервный срыв, врачи диагностировали острый психоз, болезненное состояние, при котором реальность идет рука об руку с ложными смыслами. Мила приходила к нему в его затуманенном сознании, благодарила за то, что пытался убить Караваева, он с нею разговаривал. Когда хватился, было уже поздно, психиатр отправил его на обследование.

Ми́ла вно́вь появи́лась, ко́гда он ле́жал в психиатрии, но Корней был уже начеку, никто не узнал о его галлюцинации. Он взял себя в руки, врачи засомневались в своих выводах, но обследование все-таки затянулось. Начальство хотело знать, можно ли оставлять майора Давыдова на службе. Вскрылись очень неприятные для Корнея факты, дед его закончил жизнь в психушке, мать наложила на себя руки в состоянии сильного душевного расстройства. Шизофрения в их семье передавалась по наследству, Корней чуть ли не с детства знал, что рано или поздно сойдет с ума, готовился к этому, даже семью не заводил, детей, боялся за свое потомство. Знал, готовился, до тридцати четырех лет ждал, но болезнь все-таки застала его врасплох. К счастью, он смог выправить ситуацию. Правда, якобы по рекомендации майора Давыдова перевели в районный отдел на должность рядового следователя. И поручили ему такие же рядовые дела. Впрочем, он и не думал возмущаться. Кто-то же должен заниматься техникой безопасности, нарушение правил которой приводит не только к травмам, но и к гибели людей. И гибнут многие, даже больше, чем от ножа...

— Убийство на Кирова.

Абдулов пристально смотрел на Давыдова. Вдруг в силу своей расшатанной психики ус-

лышит про убийство Кирова. Возмутится, откажется, как же, сколько лет прошло... Но Корней понял все правильно. Потому что сознание пребывало в светлой фазе, в темной ему делать нечего.

— Слышал. Коллектора убили. Позавчера.

— Должник убил.

Абдулов не мог утверждать так категорично, он следователь, и пока суд не вынесет приговор, обвиняемого нельзя считать убийцей. Но, возможно, начальник провоцировал ненадежного подчиненного, — в любом случае нужно соглашаться.

— Интересная ситуация.

— И предельно ясная. Но подозреваемый все отрицает. Вены попытался себе вскрыть.

— Привлекает внимание общественности.

— Уже привлек, из администрации звонили, спрашивали... В общем, надо съездить на место преступления, посмотреть, может, что-нибудь увидишь своим незамыленным глазом.

— Я теперь занимаюсь этим делом?

— Неофициально. Неофициально в помощь Ямщикову. Он ведет это дело, пусть и дальше ведет, а ты посмотри, может, скажешь что.

Как-то уж очень скользко Абдулов водил вилами по воде. И Корней его понимал. Вид-

но, вина подозреваемого не вызвала у него сомнений, но из администрации звонили, нужно как-то реагировать. Если бы губернатор позвонил или хотя бы мэр, Абдулов принял бы реальные меры, а так он всего лишь сымитировал бурную деятельность. Ямщикова с дела не снимает, а назначает параллельное следствие. Неофициальное и с очень смутными полномочиями следователя. Но Корнейю отказываться нельзя, ему до «маленькой» пенсии всего четыре года осталось. Хотя бы до минимума дослужить, а дальше как пойдет. Возможно, болезнь не будет прогрессировать.

— Мне нужен протокол осмотра.

— Материалы у Ямщикова, он сейчас в больнице, Дружкова допрашивает, но могу скинуть фотографии. — Абдулов кивком указал на компьютер.

Фотографии Корней изучал в машине. На перекрестке Карла Маркса и Фридриха Энгельса вечный затор, объехать нереально, пришлось потерять пятнадцать минут... На изучение фотоматериалов.

Гражданин Дружков задолжал крупную сумму денег, коллекторы взяли его в оборот, но поплатились за это. Четникова нашли мертвым на межэтажном лестничном пролете неподалеку от квартиры Дружкова. Ударили по голове

молотком с тяжелым бойком, причем били не острой, а тупой частью. И очень точно ударили, если потерпевший даже не обернулся. Как шел, так и свалился с нижней ступеньки лестничного пролета. Судя по положению тела, Четников сначала по инерции врезался в стену лестничной площадки, а затем уже завалился на бок. Шерстяная кепка с него слетела, валялась рядом. На ней лежало орудие убийства, новенький молоток с деревянной ручкой. На голове кровь, а боек чистый, объяснение этому имелось. Удар приняла на себя кепка потерпевшего, кинетическую энергию она не погасила, но брызнувшая из раны кровь на молоток не попала.

Осмотрел Давыдов и лестницу, по которой спускался коллектор, и межквартирную площадку. Дом старый, пятиэтажный, лифта нет, квартиры выходили прямо на лестничную площадку, никаких коридорчиков, тамбуров и прочих закутков. На площадке у двери в квартиру подозреваемого лежал огнетушитель, криминалист пометил его табличкой под номером «восемь». И с цифрой «три» на красном баллоне. Наверняка с огнетушителя сняли отпечатки пальцев. И с молотка тоже. Но с орудием убийства понятно, а откуда взялся огнетушитель? Судя по фотографиям, подъезд содержался если не в образцовом, то близком к тому со-

стоянии, — возможно, огнетушители входили в комплектацию помещения.

Корней подъехал к дому на улице Кирова, припарковался. Из подъезда ему навстречу вышла светловолосая девушка с голубыми глазами, среднего роста, худенькая. Внешне она живо напоминала Милу; Корней испугался за себя, но виду не подал. Если это Мила явилась ему, нужно сделать все, чтобы не замечать ее. Как будто и нет ничего. Никак нельзя воспринимать свои видения всерьез. К счастью, Корней очень хорошо это понимал.

Но девушка была похожа на Милу только внешне, и то в общих чертах. Мила излучала оптимизм, всегда веселая, жизнерадостная, даже в гробу ее губы растягивались в улыбке — все казалось, что вот-вот она поднимется и засмеется: розыгрыш удался. А у этой юной особы взгляд грустный, тоскливый. Движения неуверенные, неловкие, заторможенные. Одето хорошо, плащ новый, но вряд ли модный. И длинный чуть ли не до пят. Черные брюки под ним с широким низом, тяжелые туфли на мощной подошве, чистые, носки не сбитые, даже не поцарапанные. Но при всем при этом девушка производила впечатление сироты, брошенной на произвол судьбы. Любой может ее обидеть. В том числе и Корней. Она пугливо глянула на него и поспешила

сдать в сторону, чтобы он смог пройти, не задев ее.

А он не мог пройти мимо. Хотя бы потому, что нужно успокоить себя. Ясно же, что это не Мила, но проверить себя все же не помешает.

— Здравствуйте! — начал Корней.

Девушке лет восемнадцать, по сути, ребенок, но разве она не считает себя взрослой? Если да, то и обращаться к ней нужно соответствующе. Никакой слащавости в голосе, паточного заигрывания. Но и брови хмурить сильно не стоит.

— Майор юстиции Давыдов, следственный комитет, — представился он.

Но удостоверение предъявлять не спешил, нужно уметь подать себя так, чтобы оппонент верил на слово. И не требовал потратить драгоценное время на никому не нужные выяснения. А подавать себя Корней умел. Внешности он, честно говоря, не броской, ничем не примечательное лицо, среднего роста, худощавый, — в общем, энергетика спокойная, походка обычная, в глаза не бросается, из толпы не выделяется. И женщины его издалека не замечали, если и проявляли интерес, то не сразу. Но и пренебрежения к своей персоне в женских глазах он давно уже не замечал. И одевался он в ногу со временем, вещи хорошие, подобраны со вкусом, и говорить он умел, и, главное, пра-

вильно смотреть, так, чтобы собеседник не испытывал ни смущения, ни превосходства. Умел он обезоруживать взглядом, когда мягко, когда жестко, а иногда мог даже ввести в транс. Знал, что такое гипноз. Немногим чуть более, чем просто знал.

— Вы по поводу убийства? — Девушка поверила ему, расслабилась где-то на уровне контактных чувств, но внутренняя зажатость сохранилась.

Она все так же настороженно смотрела на собеседника, но пугал ее не столько сам Давыдов, сколько мужчина в нем. Страх перед мужчинами как таковыми у нее имелся, Корней интуитивно чувствовал его.

— Кого убили, вы не знаете?

— Нет, — не задумываясь, мотнула головой девушка.

— А кого задержали за убийство?

— Кого задержали?.. Яшу задержали... Якова Ильича. — Голос ее едва заметно дрогнул.

— Ты его знаешь?

— Мы соседи. Двери напротив... Мне идти надо, — заторопилась девушка.

— Да, конечно, но у меня могут возникнуть вопросы. Я могу тебе позвонить?

Улыбался Давыдов мягко, но паспорт не попросил, а потребовал. Записывать ничего не стал, фотографировать тоже, память у него

крепкая, хотя и не во всем долгая. Информация, потерявшая актуальность, в памяти не задерживалась. Номер телефона он вбил в список абонентов под именем Настя.

Дом старый, но после капитального ремонта, домофон, видеокамера, все атрибуты современности в наличии. Настя без возражений открыла дверь, Давыдов поднялся на третий этаж, на пути к четвертому задержался.

Внимание привлек, не мог не привлечь, меловый силуэт, оставшийся на месте, где лежал труп. На лестнице убирались, но влажная уборка лишь размыла контуры человеческого тела. А вот следы крови уборщица затерла тщательно. Лифта нет, все ходят пешком, еще немного, и от мела на полу ничего не останется.

Нашел Корней и огнетушитель с номером «три», он находился на площадке между четвертым и пятым этажом, висел на стене под специальной табличкой. Если это улика, то почему ее не изъяли? Следователь решил не ослаблять пожарную безопасность дома? Или этот баллон не имел отношения к убийству? Может, на межэтажной площадке случилась драка, и огнетушитель скатился по ступенькам к двери в квартиру Дружкова.

Давыдов осматривал огнетушитель. Корпус новенький, бока целые, не ободранные, не похоже, что баллон катился с лестницы. А вот

чистыми бока не назовешь, следы дактилоскопического порошка видны невооруженным глазом. Все-таки снимали отпечатки пальцев, но странно, почему огнетушитель не приобщили к делу?

На пятом этаже открылась дверь, появилась женщина лет шестидесяти, красная шляпа с розовым цветочком сидела на голове кокетливо наискосок, лицо напудрено, губы накрашены, сережки в ушах, нить жемчуга на морщинистой шее. На руках померанский шпиг. Рыжий пуховый шарик с лисьей мордочкой весело смотрел на Корнея. Собачку совершенно не интересовал огнетушитель, который он осматривал, чего не скажешь о хозяйке.

— А что вы делаете?

Женщина безотчетно поправила шляпу, скосила с одного бока на другой, как будто хотела придать себе угрожающий вид.

— Майор юстиции Давыдов, следственный комитет. Все-таки надо бы забрать огнетушитель.

— Куда забрать?

— В хранилище вещественных доказательств.

— У вас там нет огнетушителя?

— Нет, у нас там не хватает вещественных доказательств. По убийству гражданина Четникова. Вы, конечно же, в курсе?

— Да это я вызвала полицию!.. А вы что, не знаете?

Женщина наполнила легкие воздухом, чтобы потребовать удостоверение. Но Давыдов этого как будто и не замечал.

— Увы, в нашей системе не изжита порочная практика, когда на место преступления выезжает один следователь, а дело ведет другой. Да и где у нас не изжита порочная практика?

— Порочная практика — это основа любой системы! — Дама с собачкой охотно повелась на отвлекающий маневр.

— Уверен, что это не про вас... э-э...

— Ольга Владимировна.

— Уверен, что вы числитесь на хорошем счету... Где вы работаете?

— Работала! В Доме культуры, руководила кружком кройки и шитья! — Женщина свети-лась от гордости. Как будто не кружком руко-водила, а целой швейной фабрикой. — С не-давних пор на заслуженном отдыхе.

— Ну что ж, заслуженному работнику куль-туры — заслуженный отдых!.. Надеюсь, что у вас хорошая память.

— Не жалуюсь.

— Как вы обнаружили труп гражданина Четникова?

— Мы с Эммочкой шли в магазин. — Женщина погладила своего песика, выразительно глядя на Давыдова.

Даже не просила, а требовала, чтобы он восхитился прелестной собачкой.

— Эммочка у вас такая миленькая!.. Вы шли в магазин, спускались по лестнице, проходили здесь. — Давыдов обвел рукой пространство вокруг себя и коснулся огнетушителя, который уже оставил в покое.

— Да, да, проходила... Кстати, огнетушитель стоял у двери сороковой квартиры.

— Стоял?!

Давыдов мысленно пролистнул фотографии из материалов дела. Огнетушитель не стоял, а лежал у двери.

— Стоял!

— Вы в этом уверены?

Дверь в сороковую квартиру железная, открывалась наружу, это наводило на определенные размышления. И даже позволяло делать категорические выводы. Если, конечно, огнетушитель стоял вплотную к двери.

— Конечно, уверена! Я еще подумала, почему огнетушитель здесь? Сначала подумала, что это Яша куролесит, а потом думаю, не мог он поставить огнетушитель. Как бы он тогда закрыл дверь?

— Bravo, Ольга Владимировна! Вы не думали вернуться в Дом культуры и организовать кружок юных детективов-любителей? — Корней шутил, но женщиной восхищался искренне.

— Ну что вы! — зарделась она и сдвинула шляпку на другой бок.

— Значит, огнетушитель стоял; вы прошли мимо или все-таки вернули его на место?

— Не вернула! И мимо не прошла! Я хотела посмотреть, кто здесь у нас балуется...

Ольга Владимировна спустилась на четвертый этаж и провела взглядом по лестничному маршу, на последней ступеньке которого закончил свой жизненный путь коллектор Четников.

— Смотрю, человек лежит. Я сразу поняла, что мертвый!..

Доселе молчавшая Эммочка гавкнула, будто подтверждая слова хозяйки. При этом собачка смотрела на дверь сорок второй квартиры. Возможно, она звала на прогулку Настю.

— Мы выходили ненадолго, — продолжала женщина. — Телефон дома оставили, я поднялась, позвонила в полицию... Да, огнетушитель толкнула, спешила очень.

— Упал огнетушитель.

— Упал. Сначала в дверь ударился, близко стоял, а потом покатился. Немного откатился.

— А как вы поняли, что Четников мертвый, если вы к нему не спускались?

— Ну, как поняла... Ну не знаю...

— Может, вы увидели молоток, который лежал рядом с трупом?

— Молоток?! — задумалась Ольга Владимировна.

— Вы видели молоток?

— Видела. Но уже потом.

— Когда потом?

— Когда полиция приехала.

— А когда на труп наткнулись, молоток видели?

— В том-то и дело, что не видела!

— А кепку... Кепка рядом с трупом лежала.

— Кепку видела! И рядом с трупом видела. И на голове у трупа... То есть пока Четников этот живой был, видела кепку. Я же знаю, кто это такой, ходил к Яше, деньги у него вымогал.

— А вы следователю сказали, что не было молотка? Руководителю следственно-оперативной группы сказали?

— Ну следователь был, допрашивал, я его чаем угостила, с булочкой... Может, и вы чайку с булочкой? А то вид у вас какой-то болезненный. Глаза воспаленные. Спали плохо? — всматриваясь в Давыдова, спросила Ольга Владимировна.